

Ничьи девочки

Моск. новости. — 1996. — 4-11 февр.
— с. 5

Старый писатель пожаловался: отошли времена, когда что написал — то и напечатал. Теперь, приходя в редакцию, ощущаешь знакомый холодок под сердцем, противную дрожь в коленках и дребезг в голосе. А в редакциях вновь откуда ни возьмись топчется озарпаченный народ: веселые крепкие тети, дядечки бывалого старослужащего вида, мальцы в коричневых полосатых жилетиках, длинноногие девы-забавы, похожие на корпусные прогулочные катера. Снова, как встарь, встречают высоко поднятыми бровками, изумленными взглядами поверх очков, дающими понять, что вас здесь решительно не узнают. «А он вам назначал? И статью заказывал, странно... Он как раз сегодня улетел...» И очень скоро возникает грозный вопрос вроде: «Девочка, а ты вообще-то чья?»

В студенческих компаниях ушедшей молодости, бывало, на даче или на пикнике появится девочка, которая осталась без пары. Хорошая, милая, приехала — но ничья. У нас их называли «ничья девочка Надя».

Писатель, как в незапамятные советские времена, снова стал «ничьей девочкой Надей». То есть для письма, для работы — это самое лучшее дело. Газета не тянет, заказ не гонит, тема не жжет. Однако, с другой стороны, тонкий, может быть, даже болезненно тонкий инструмент писательского тщеславия, отзывающийся на каждую каплю равнодушия, как на целый холодный ушат, способен о чем-то очень важном сказать не только ему самому, но даже и его читателю. Писатель всегда раньше начинает чувствовать, как холодеет, отвердевает, официализуется пресса.

А это означает одно — она ищет. Открыто объявить о таком нельзя. Это выглядело бы так же странно, как объявление на столбе: «Собака ищет хозяина. Вознаграждение гарантируется». Да и сам хозяин не торопится, потому что

его большой обкомовский опыт говорит ему: был бы хозяин, был бы двор, а сторожа и собаки сыщутся.

И не в том суть, сидит ли этот хозяин за высокими стенами, заборами или же уверенной походкой директора департамента прохаживается по красным дорожкам Думы, раскланиваясь направо и налево и отдавая распоряжения. Суть в том, что прессе явно выбирать придется среди определившихся хозяев. Старые битые воробы газетного дела видят зорко.

Держава поделена, и, стало быть, нужда в определенно-го сорта говорильне о гражданских свободах, судах присяжных, демократии и прочем — это все отошло. Подошло время обернуться к предмету, который преподавался под названием «госпартстроительство». Идет процесс отстранения от дел частного капитала, скоро попынутся средние банки, отслужившие роль денежных помп. Разнокалиберная мелочь свободного рынка пойдет на свалку. Большие средства будут держаться в больших руках, в больших бюджетах. И потому надо занимать места около бюджетной кассы государственных денег. А делать ставку на частные капиталы и связанную с ними сумятицу мнений — это просто ребячество.

Хозяева же пока не спешат. Они знают, что печатные издания никуда не денутся. Пусть пошумят пока те из них, кто еще не понял. Дойдут руки.

Писатели, конечно, так высоко не залетают. Но шкурой почуяв старые и бесконечно знакомые тонкости государственного унижения, они заматались. Только что прошедший координационный совет Союза российских писателей — безобразно организованный в заштатном доме отдыха под Ярославлем — вдруг собрал кучу имен. С одной стороны, можно понять — истосковались писатели по пленумам. Но с другой — что-то такое зазвенело в воздухе января, если

Сергей БАРДИН,

писатель

снова, как встарь, собрались писатели и бились за места в мифическом руководстве своего союза, и избрали пять со-председателей вместо одного председателя.

У писателя аппарат чуткий. Уж если наша парламентская звездочка, ловко надувшая сперва своих избирателей, а потом, надувши губки, жаловавшаяся по телевизору на свое думское одиночество, больше не хочет быть «ничьей девочкой», то что же требовать от обиженного жизнью писателя, если и ему хочется в общее государственное стойло?

В стойло хочется уже не только писателям. Уже на радио «Маяк» звучат международные комментарии, словно выпрыгнувшие из 1977 года. Главное тут не слова, главное — стиль. Незабвенной памяти интонации международных комментаторов тт. Сейфуль-Мулюкова и Потапова изливаются в радиоэфир. Это что-то да значит. Министерским, истерзанным неопределенностью чиновникам, армейским прямодушным майорам, дипломатам, журналистам и даже цирковым администраторам — всем нам снова хочется в уздечку, под седла и стремена.

Потому что мы опытные. Мы же помним. И знаем: была бы только своя алюминиевая кружка, а кипяточек на станции всегда найдется.